

2.2.18. Колеи любви и ненависти¹.

Разновидностью колейна, по-моему, является быстрое и сильное закрепление в памяти впечатлений от *критически необходимых* объектов, сопряженных с *инстинктом* (2.2.12), оттого окруженное сильнейшими *эмоциями*, – то, что психологам известно под именем *импринтинга* (от англ. imprinting – запечатление, отпечатывание).

Впервые это психическое явление привлекло внимание зоопсихологов в поведении детенышей животных, а именно запоминание ими образа того объекта, от которого они после рождения получили первую опеку, и в итоге установление у них привязанности к нему. Оно поразительно в тех случаях, когда объект является странным, даже нелепым. Цыплята могут привязаться к наседке, утке или кошке или даже к колесу велосипеда и всюду следовать за ним, точно за мамой. Также мгновенно и прочно происходит запечатление в памяти образов сородичей или врагов и других опасностей, образов пищи и родной местности.

Мне кажется, по крайней мере у некоторых животных, таких, например, как совы, лебеди или волки, существует ещё один вид импринтинга, назову его сексуальным, который однако, естественно, активируется уже не при рождении, а у взрослого существа в период полового возбуждения и обеспечивает запоминание и привязанность сексуальных партнеров (чаще всего пар) друг к другу и совместное

¹ Глава из кн.: *Леонард И. Браев. Познание и очарование*. Начала нецелостной колейной теории. Изд. «Салика», 2013. ISBN 978-5-906541-03-1

выращивание ими потомства. Думаю, такой **сексуальный импринтинг** присущ и людям.

Естественный отбор отмерил животным продолжительность содействия родительских пар в пестовании потомства, – понятно, соразмерную продолжительности его взросления, обычно это недели или месяцы, редко – год-два. У людей дети нуждаются в родительской опеке **многолетней** – и у наших обезьяньих предков естественный отбор должен был выработать какую-то связь, которая привязывала бы самца и мать друг к другу надолго. Видимо, ею стала сексуальная потребность не сезонная, а постоянная, как раз и характерная для приматов и соответственно в сотни и тысячи раз превосходящая уровень, необходимый для собственно воспроизводства.

Как я уже писал в другом месте (*“Необходимость и свобода. Начала нецеситной социологии”*, 1993, с.202), *долгий* сексуальный импринтинг и стал физиологической **предпосылкой любви**. Не оттого ли начало любви носит качество какого-то внезапного потрясающего впечатления и озарения каким-то непонятым неодолимым влечением друг к другу и укрепляется после половой близости? Эта эйфория страсти и адовы муки разлуки поддерживаются выработкой в мозге особых нейрогормонов, своего рода наркотиков, похожих на морфин, получивших имя *феромонов*, – сперва эндофина, а года через три, с переходом страсти в нежную привязанность – оцитоцина. Разумеется, в обществе на этот сексуальный импринтинг накладываются переживания и соображения утилитарные, эстетические, нравственные, моральные и в их сплаве возникает сама царица – любовь, ставшая основой семьи. Самые прочные узы Гименея – это любовь.

Как известно, в «брачные периоды» животные становятся яростно беспокойны и агрессивны. У людей этого как будто бы нет, но явна высокая интенсивность переживаний восхищения, страсти, томления, робости, нежности, восторга, ревности, тоски и т.д., сопровождающиеся даже значительным подавлением разума – “безумием любви”. Показательно, что уровень серодолита в организме при влюбленности и психозе одинаков. И в таком опьяненном полуиррациональном сексуально взволнованном состоянии человек проводит едва ли не большую часть жизни.

Сексуальная потребность выливается как в экстаз и подвиги влюбленных, так и мерзость бесчисленных извращений и злодеяний. О сокрушительном могуществе этого чувства говорит факт: в конце 20 века в России из приблизительно 60 тыс. ежегодных самоубийств около 40 тыс., то есть более 70%, вызывалось разочарованием и неразделенностью любви. Не располагаю статистикой, но предполагаю, что и в других странах картина похожая.

Мне кажется, именно механизм сексуального импринтинга определяет многие характерные особенности отношений полов.

Первое острое чувственное волнение люди переживают ещё в юности или даже в детстве и, естественно, от контакта, пусть невинного, с ровесниками, тоже юными, – и такой образ и фиксируется в их подсознании на всю жизнь. Не отсюда ли обычное влечение мужчин, даже постаревших, к невинным молоденьким девушкам, большее, чем к зрелым женщинам – «вамп»? Впрочем, обычно и женское предпочтение молодых мужчин. Хотя при ином первом опыте бывает и противоположное влечение.

Если первый сексуальный опыт девушки был насильственным или неподготовленным и чрезмерно болезненным, он запечатлется и в её психике – и она проникается к сексу отвращением и ужасом и даже может стать фригидной. Аналогично юноша, чей первый опыт близости от чрезмерного возбуждения и волнения закончился преждевременной эрекцией, укрепляется в страхе неудачи и может стать импотентом.

Силой сексуального импринтинга и складывается потребность в *духовной близости* как необходимом **предусловии** близости физической: в восхищении, нежности, обожании и т.д., – короче, любовь.

Но такой потребности может и не сложиться, и тогда остается одна голая физиологическая похоть. Порнография как раз таким скотством и уродует души, по существу, совершая преступление перед человеком, примитивизируя его жизнь. А духовная бедность лишает несчастного богатого наслаждения также и от физической связи; вечная неудовлетворенность обрекает его на ненасытную погоню за всякими сексуальными изобретениями и приключениями, но тщетно, итог – опустошение.

Легкость первой связи – и вот постоянная связь с одним партнером оказывается скучна и образует потребность в их постоянной смене; и до того, что без нее нападает раздражительность, неврозы и депрессии. Такие неумные сексоголики бывают среди как мужчин – “донжуаны”, так и женщин – нимфоманки.

В механизме сексуального импринтинга я вижу также **сопричину *сексуальных отклонений***, возникающих в условиях установленных в обществе неразумных и чрезмерных половых разделений и запретов.

Сексуальная потребность пробуждается у людей лет в 15-16, а то и раньше, притом в форме самой острой юношеской гиперсексуальности, а в брак они вступают в 20-25, а то и позже. Что же делается целых 10 лет? Долгие годы и в условиях, когда в обществе на секс ставится клеймо чего-то грязного, позорного и запретного, а сближение полов искусственно затруднено? В таких условиях решающий первый опыт сексуальной разрядки часто оказывается случайным и ненормальным, но этот-то неестественный объект-суррогат и закрепляется импринтингом в объект будущих сексуальных вожелений, делая человека в нормальных отношениях сексуальным неудачником, порождая половую *девиацию*. Так, когда в условиях насильственного раздельного проживания полов в закрытых учебных заведениях, в армии, тюрьмах и т.п., нарастающее половое напряжение разряжается с представителями своего же пола – и вот вам однополое тяготение с равнодушием, импотенцией, а то и отвращением к лицам противоположного пола, – *гомосексуалы*: геи и лесбиянки.

Неисправимость такого влечения к людям своего же пола никакими средствами: ни лекарствами, ни психотерапией, ни кастрацией, ни ампутацией грудей, ни удалением матки, ни молитвами, ни изгнанием бесов – и вот эти навязанные социальными условиями «благоприобретенные» импринтинговые половые искажения современная сексопатология склонна полагать “генетически” [?] обусловленными, будто бы “врожденными” [?], хотя не имеет этому *никаких* доказательств, – полагать единственно потому, что не знает аномальному феномену иного объяснения.

А в некоторых странах общественное мнение уже созрело настолько, что даже принимаются законы, освящающие

однополые браки как будто бы “естественные” для предполагаемых половых “мутантов”.

На самом деле, единственно, что с несомненностью установлено – это влияние на половое внутриутробное развитие эмбриона **гормонов**. Если беременность, особенно на ранних стадиях, протекала в стрессовых условиях (сильной тревоги, несчастий, ссор, болезни и других потрясений или при приеме некоторых веществ, например, таблеток противозачаточных или рассчитанных облегчить течение беременности и родов, или приема лекарств от диабета и т. п.), отчего подавляется выработка мужского гормона – тестостерона и, таким образом, в организме беременной доминирует женский гормон – эстроген, то повышается вероятность рождения *женоподобного* мальчика. Наоборот, при избытке в организме беременной тестостерона часто рождаются *мужеподобные* девочки, крупные, самоуверенные и жесткие в обращении, иногда даже с волосатостью на теле. Да и у взрослых женщин тестостероновая терапия вызывает облысение, рост бороды и волос на теле и повышенную агрессивность.

Такие половые физиологические отклонения, видимо, могут способствовать принятию ими склонности к гомосексуальности; однако вовсе **не** означают их генетической обреченности на неё. У птиц внутриутробного развития нет – и введение уже птенцам тестостерона придает курам внешность и поведение петухов, канарейкам – кенарей, однако вырастания яичек и пениса **не** происходит.

У братьев или сестер, тем более у однойцовых близнецов гены, конечно, бывают во многом одинаковы; и, тем не менее, вероятность у них одинаковой сексуальной ориентации оказывается ниже 50%. И случаи её совпадения вполне

объяснимы одинаковостью гормонального фона их внутриутробного развития и сходством социальных условий их “первого опыта”.

Конечно, каких только причуд в генных комбинациях не случается. Не исключена и смесь женского и мужского организмов. Но **образы**-то по наследству **не** передаются. “Врожденный образ” – вместо импринтинга – это для генетики и психологии нечто чудесное. Но если объекты сексуального вожделения создаются импринтингом, то причем же врожденность половой девиации?

Когда чувственное любопытство юноши, подавленное всякими препонами, в коварном случае находит удовлетворение с подвернувшимся обнаженным женским трупом – и вот импринтинг создает некрофила и сладострастного расчленителя трупов. Или и это “врожденная” генетическая мания? Когда вырываясь из гнета социальных табу, страха и стыда, половая разрядка впервые достигается насильем, которое к тому же скорее всего сопровождается мучением жертвы, а то и её испуганным убийством, – и вот возник половой маньяк – потрошитель и садист, которому только чужая агония способна принести оргазм и облегчение, а в обычном положении с женщиной – позорный импотент. Психиатрия удивляется: во всех прочих отношениях в жизни мучитель вроде бы вполне вменяем, но приступы тяги к сладострастному садизму сильнее его – и здесь он ничего с собой не может поделать. И в бессилии понять это извращение психология полагает и его тоже “унаследованным”. От кого же? Неизвестно. Будто это что-то объясняет. Наоборот, у мазохиста условием сладострастия становится собственное унижение и боль, но, полагаю, тоже в силу импринтинга и проклятого случая.

Пресловутый “Эдипов комплекс”, якобы какой-то генетический и универсальный, является бездоказательной объяснительной фантазией З. Фрейда, хотя описываемые в его терминах отдельные психиатрические случаи полового влечения детей к родителям представляются фактом и являются, должно быть, разновидностью извращенного сексуального импринтинга, и в силу общественного осуждения скрываются невротиками даже от себя, подавляются и вытесняются в подсознание. Да и прочие «*комплексы*» *фрейдизма*: комплекс преследования, вины, неполноценности и т.д. – тоже иное имя невротизма и, похоже, создаются тоже импринтингом, хотя, разумеется, уже не сексуальным, а связанным с иными жизненно важными инстинктами и в сочетании с внутренними расстройствами, но о них дальше.

Мы смеемся, когда цыплята бегают за уткой, к которой подложили их яйца, или за колесом, видим в своем жестоком эксперименте искусственное извращение их детенышеского импринтинга. В природе подобные злые шутки вытворяет разве что кукушка. Но не понимаем, что с Чикотило произошло тоже самое – извращение сексуального импринтинга, а считаем его каким-то “врожденным” уродом и не придумываем ничего лучше, как устроить над несчастным злодеем публичное судилище-шоу и казнить, в лучшем случае принудительно кастрировать.

Понятно страдание гомосексуалов от общественного презрения и вражды, которые вынуждают их к скрытности и до трети доводят до самоубийства. Очевидно, нужно их понимание, терпимость и помощь; но освящать и выставять противоестественное естественным (генетическим) тот ли это путь, который облегчит положение несчастных отверженных? Не усилит ли это в обществе конфронтацию

по этому поводу? Не вернее ли знать реальные причины разных сексуальных искажений, а благодаря этому знанию находить реальные средства их профилактики, а, может быть, и лечения?

У животных импринтинг в дальнейшем, как правило, не поддается изменению, “необратим”. Возможно ли излечение сексуальных импринтинговых извращений психотерапией? Не знаю. Ответить может только опыт. Но понимать, что же произошло, и попробовать исправить страшную импринтинговую ошибку, очевидно, надо. И уж, конечно, нужно позаботиться об устранении в обществе превратных условий, которые приводят к таким импринтинговым извращениям. Понимание делает возможной *профилактику*; предотвратить болезнь легче, чем вылечить. И не шутить с первым разом. Как бы вместо курочки не привязаться к утке. Первый раз может стать судьбой – на всю жизнь, прекрасную или несчастную.

Понимание причин сексуальных искажений подсказывает также идеи их **лечения**, например, **гормонального**. Возможная его эффективность даже не проверена.

Должно быть, подобным же импринтинговым образом в совместном времяпрепровождении: развлечениях и делах, – чаще всего смолоду возникает также и **другие устойчивые чувства**. Прежде всего, *дружбы*: та же внутренняя нежность, взаимная потребность в общении и страдание без него, та же верность и забота друг о друге.

Впрочем, видимо, и противоположность любви – некоторые невротические *фобии* являются аномалиями обычного *импринтинга на опасность*, представляя бесконечным или чрезмерным, но неодолимым страхом перед некоторой обстановкой: страх высоты (акрофобия), открытых про-

странств (агрофобия), закрытого пространства (клаустрофобия), воды (аквофобия), публичных выступлений (социофобия) и т.д. Должно быть, похоже образуются болезненные противоразумные влечения – **мании**, вроде тяги к воровству, kleптомании. Хотя уже без жесткой связи с каким-либо инстинктом. Ребенок заворужен видом и близостью какой-то привлекательной вещи и, если в нем недостаточно развит *самоконтроль* – вследствие изъянов воспитания или олигофрении, пусть в слабой степени, – он неожиданно для самого себя, как в гипнозе, хватает ее; удовольствие от обладания ценностью закрепляется в сознании – и вот он уже не в силах преодолеть себя, кражи повторяются и учащаются, пока вор не попадает за решетку. Захват привлекательного может принять форму и нападений – ограблений с избиениями, а то и убийствами.

Мне думается, на психологическом механизме импринтинга основаны и другие **виды любви**, несексуальной: такие, как мгновенно просыпающаяся в матери любовь к новорожденному, жителей – к своему дому, к своей деревне или городу – и шире – к родине, её природе и своему народу, родному языку, культуре, обычаям и характеру, – *патриотизм* или любовь к людям своего круга, своей профессии, класса, вообще – к своей социальной среде. Они-то и питают ностальгию, этническую, классовую и прочую стратовую солидарность и, с другой стороны, отчужденность и неприятие по отношению к другим культурам, – этно - и вообще *стратоцентризм*.

Импринтинговый механизм этих видов любви отлично объясняет их странности. Мы любим родину, тоскуем без нее вовсе не потому, что это она – лучшая в мире. Наоборот, наша страна для нас лучшая в мире, потому что она *наша*

страна, в ней началась и прошла наша жизнь, хотя бы жизнь в ней была сурова и тяжела, но даже горький “дым отечества нам сладок и приятен”, – эффект “шильонского узника”.

И в этих видах любви тоже возможны аналогичные импринтинговые извращения. Таково, по-моему, происхождение комплекса равнодушной жесткости. Давно замечено, что у детей, недополучивших родительской ласки и любви, не складывается психический комплекс любви к себе и к окружающим и – соответственно – желания быть ими любимым – и они вырастают холодно расчетливыми и легко становятся даже холодными убийцами – рецидивистами.

Страсти *общественных конфликтов* тоже могут закрепляться импринтингом и переходить во всякие мании и фобии. Так, когда завоевания, экономические связи и другие внешние условия смешивают народы чуждой культуры, их взаимное непонимание и отстраненность могут перерасти во взаимную неприязнь. Навязывание чужого языка и искусства вызывает к ним враждебность, а в случае опасений за родную культуру, особенно при экономических трудностях и углублении общего недовольства, патриотизм превращается в *ксенофобию*, национализм и расизм, доходящие до терроризма, войны и геноцида.

.....

О приобретении и переиздании **типографских** книг
обращаться по адресу:

kokurin@nextmail.ru gazinur@list.ru newfrost@inbox.ru

или libraev@mail.ru